

Перед Киевом

(От специального корреспондента «Красной звезды»).

Этому селу повезло: здесь были партизаны. Белеют мазанки. Мычат коровы. Один теленок отстал от стада. Девчонка стыдит его: «дурной». Ноги вязнут в песке. Здесь звуки войны особенно громки — песок. В хате звенят стекла: это немцы снова бомбят переправу. Протыкаясь от грохота, я вспоминаю: да ведь я на правом берегу Днепра...

Я проехал мимо десятков сожженных сел. Еще розовели головешки. Женщины и детишки раскапывали пепел. Я видел это много раз — от Бородинки до Дарницы, но разве можно к этому привыкнуть? Это жжет сердце. Кажется, что шинель пропиталась запахом гари. Я не забуду рослого рыжего немца, который, обезумев, кричал: «Нам капут, а я спалил три дома!». Он смеялся, и смех был страшным — судорога, оскальченный агонии.

Трудно поверить: я на правом берегу Днепра. В этих словах какая-то магия. Широкий Днепр, пожалуй, чересчур широк, когда едешь на пароме, а в небе уже разворачиваются немецкие бомбардировщики. В узких местах — 500—600 метров. Как одолели бойцы эту преграду? Другие расскажут о разведке саперов, о подготовке, об опыте Десны. Я сейчас хочу сказать о другом: о чувствах. На что только не способен человек, если что-то в нем горит, бьется, распирает сердце? «Днепр», «Днепр!» — восклицали люди, увидев реку. Некоторые умылись днепровской водой, другие пили священную воду. Старик из сожженных деревень тащил припрятанные лодки, гребли. Люди переплывали широкую реку на плотах, на бочках, на бревнах, на воротах. Первый, ступивший на правый берег, тотчас схватил лопату и стал рыть окопчик.

Потом, как в сказке, выросли мосты. Саперы часами стояли в холодной воде. Санитары под бомбами подбирали раненых. Когда переправа наведена, налетают бомбардировщики. Но никакая сила больше не может остановить бойцов: они рвутся вперед.

Немцы вот уж добрый год, как говорят и пишут о «линии Днепра». Пленные рассказывают, что во время отступления францев подобрали одним словом «Днепр». В «линию Днепра» верили и немецкие офицеры. Я говорил с капитаном Вандельдом из 339 пд. Он воевал и в Польше и во Франции. Его глаза алегически светятся, когда он говорит: «Я провел полгода в Шамбертене» — вспоминает прославленное бургундское вино. Этот капитан, украшенный двумя железными крестами, увидел русских на правом берегу Днепра, оробел и добровольно сдался в плен. «Где же восточный вал?» — восклицает он. «Нас все время обманывали». Другой немецкий офицер мне сказал: «Мы пережили два страшных удара — Сталинград и крах нашего летнего наступления. Русские на правом берегу Днепра — это третий удар и, скажу прямо, самый страшный. Ведь позади у нас нет таких мощных естественных рубежей».

Немцы делают всё, чтобы отбросить наши части на левый берег. Они подвезли несколько дивизий с других участков фронта. Одна из этих дивизий еще недавно была под Ленинградом. На один из отрезков правобережного фронта в междуречья немцы подбросили две танковые и две пехотные дивизии. Про-

тивник яростно контратакует — со времени Орла и Белгорода не было таких упорных боев. Немецкие дивизии, потрепанные у Севска, у Сум, у Рыльска, отброшенные в свое время к Киеву, получили там пополнение. Многие пленные, с которыми я говорил, прибыли из Франции в сентябре. Это были или тотальные фришты. Они показывают: «Приказано во что бы то ни стало очистить правый берег».

28 сентября ефрейтор Ганс Лабойне писал родным: «Я стою около большой реки, которая называется Днепр, и охраняю, чтобы русские не перебрались на наш берег. У меня только то, что на мне, ничего больше не осталось — нам пришлось всё побросать, так как русские нас преследовали по пятам. Мы выгляди́м, как свиньи, — нет ни мыла, ни бритвы, ни полотенки. Молюсь усердней, а я даже надеялся на шмечки с крестом».

Четки не помогли Гансу Лабойне: русские переправились на правый берег. Лейтенант Вайс мрачно говорит мне: «Днепр — наша последняя надежда».

Днепр теперь больше чем река — и для них и для нас. Здесь решается вопрос о сроках развязки боев — на песчаных берегах, в местах, до войны хорошо знакомых киевским дачникам.

Нужно ли говорить о трудностях? О том, как вязнут в песках орудия? О том, как переправляют через реку танки? О мостах, которые мгновенно возникают вместо разрушенных? О переправе конницы? О мужестве саперов? О восстановительных батальонах железнодорожников? Я вижу вокруг себя не легендарных героев — обыкновенных людей, они калечатся, ругаются, проклинают «раму», мечтают о миске горячих щей, но то, что они делают, воистину легендарно.

Киев — днем и ночью он как бы маячит перед всеми. Я видел людей, недавно убежавших оттуда. Они рассказывают, что немцы вывозят из города всё — от станков до ковриков. Забиты все дороги. Деревни, заселенные немцами «колонизаторами», опустели.

Спасти Киев — вот что подымает даже смертельно усталых людей. Все знают — если уцелела хата — значит немцы не успели ее сжечь. Опередить факелицников, обогнать смерть — вот обет и клятва на переправах, в боях.

Сожжены Бровары. Нет больше Дарницы. На Трухановом острове немцы убили стариков и старух. Что ждет Киев?

Стоят теплые, прозрачные дни. В лесу вокруг Дарницы зеленая тишина, паутина, грибы, мох. Вот и песок — их помнит каждый, кто подвезжал с востока к Киеву. Под соснами бойцы курят самосад. Один поет: «Ой, Днепр, Днепр...». Вот и Киев. Кажется, что он рядом. Купола Лавры, дома, обрывы, Александровский сад, в котором я играл сорок лет тому назад. У Лавры немецкие минометы... Я гляжу и не могу оторваться — старый милый Киев... Падают медные листья в его садах. Идут девушки по его горбатым улицам. Они тоже глядят, не могут оторваться — они глядят на Слободку. А с севера до них доносятся голоса орудий.

Великие дни мы переживаем: Днепр, Киев.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.
(По телеграфу).

„Курская правда“, 3 стр.

Делегация челябинцев в Курске. Слева направо: гг. Дубов, Васильев, Поляков, Населкин, Делов, Ривчун, Мургина, Брюнеткин, Морковин и Шевлякова. Фото В. Строева.

ЧЕЛЯБИНЦАМ!

Мы знали уральцев рабочее племь,
Седых мастеров-металлургов страны,
В дни испытаний, в суровое время
Ставших на трудную вахту войны.
Тыл наш работал, врагом не нарушен,
Вырос огромный страны арсенал.
В грохоте танков, в залпах «Катюши»
Немцы в боях узнавали Урал.
Это оттуда широким потоком
Шли эшелоны к горящим фронтам.
Все, что вы сделали там на востоке,
Все, что строили для армии там —
Здесь обращалось гремящим металлом
Ливнем свинцовым, огнем по врагам,
Било их силу и планы срывало,
И помогало в сражениях нам.
Грозные битвы у Курска гремели.
Немцы взрывали, коверкали, жгли...
Но покорить они нас не сумели,
Жизнь уничтожить они не смогли.
Люди вернулись к родным пепелищам
И мертвым полям и к заводам своим.

Все, что возможно мы в лоне отыщем
Все, что возможно мы вновь создадим.
Нам было трудно, имели мы мало,
Гвоздь стал нам дорог, как раньше патрон.
И вот прибывает помощь с Урала —
Ваш, товарищи, эшелон.

Тесным сплочением — не только оружием
Наши народы в сраженьях сильны,
Ибо советскою крепкою дружкой
Связаны люди свободной страны.
Ее никакие враги не достали,
Ее сохранили и в месяцы бед.
Ибо ту дружбу воспитывал Сталин
Мудро, отечески, много лет.

Мало сказать вам «спасибо» и мало
Выразить чувства в потоне речей.
Клятву даем мы рабочим Урала,
Клятву — и нет этой клятвы прочней.
Завтра станки ваши пустим в работу.
С тем, что сегодня вы можете дать,
Как говорят, до седьмого пота
Будем трудиться и созидать.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

УДАРНЫЙ ТРУД — ПРАВО НА РАПОРТ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Призыв ивановцев всколыхнул колхозников артели «Б. Шевеля». Никто не забыл этого бурного собрания. Брали большие обязательства и клялись с честью выполнить их. Прошло два месяца. И вот снова в правление пришли звенящие бригады, чтобы подвести итоги своему труду.

— Все помните, товарищи, какие в августе брали обязательства? — спросил председатель правления т. Зубков.

— Помним! Сами их выполняли.

— Помните также, что ивановцы предложили всей области написать к светлоручному октябрьскому празднику письмо-рапорт товарищу Сталину. Итоги нашей работы позволяют нам подписать рапорт

— У меня такое предложение, — говорит молодой бригадир Мария Шатунова. — Во-первых, должн нашему вождю, что колхозники артели «Б. Шевеля» на деле благодарят от всей души партию и правительство, родную Красную Армию за освобождение, потом написать, что колхозный строй спас нас от бедствия...

— Правильно, — говорит т. Зубков. — А об успехах так напишем: мы брали обязательство закончить косовицу и обмолотуружить к 20 сентября. Это слово сдержали. Скопили и обмолотили на 10 дней раньше обязательства, к 10 сентября, а всего убрали 264 га. С государством рассчитались еще 30 июля, свезли на эссынные пункты 351 центнер отборного зерна. Оза-

мье посадили к 5 сентября — раньше, чем мы намечали по плану и больше плана на 23 га, а всего посеяли 193 га, из них 15 в фонд обороны. Сейчас мы засыпали на будущий год 413 центнеров семян

С великим подъемом работали колхозники в нынешнее лето. Звеньевая организация труда, сделавшая решила успех всех работ. Косовицу, вязку, скирдование, обмолот, осенний сев вели одновременно и с такой организованностью, какой не бывало в прежние годы. Колхозница Домна Глушченко связывала по 800 снопов в день, вместо 350 по норме. Наталья Зубкова, Татьяна Ларина, Мария Зорина, Ефим Шатунов и другие в полтора раза перевыполнили нормы на косовице. С зрынок выходили на работу в пол и стар и млад. У Натальи Лариной четверо детей, из которых самому большому 7 лет, а она работала в поле за двоих. Во время молотбы без устали трудился престарелый Иван Николаевич Шатунов, он подавал в барабан молотки за смену по 20800 снопов — это двести процентов нормы. На озимом севе у нас ходило в упряжке ежедневно по 40 личных и ров колхозников. Не было случая, чтобы кто-нибудь не вышел на работу. Одним трудом добиваемся мы расцвета колхозной жизни и лично благополучия. Восстанавливаем животноводство. Вместо 33 телок по плану, заключили 52 телка и сведи-

ли во вновь отстроенный телатник — также 250 голов птицы. Наделяем поросат.

Начего не жалуют колхозники для родных бойцов наших освободителей. В каждое воскресенье колхозники сдают в «фонд здоровья бойцов» по 6 литров молока. К 1 сентября уже сдано свыше полутора тысяч литров.

— Одна важная задача стоит еще перед нами, — продолжал т. Зубков, — по обязательству мы обещали к 1 ноября полностью аспахать забь. Выполним это обещание?

— Вспомнем к 20 октября, — ответила звеньевая Антонина Шатунова.

— Я тоже так думаю, — подтверждает бригадир второй бригады Анна Шатунова. — 140 гектаров мы уже вспахали, поднимем и остальные 120 га. Выйдите в поле, посмотрите, как работают звеньевые Наталья Зубкова, Елена Шатулова, Антонина Шатунова, Анна Медведева, Петр Бирюков, Евдокия Медведева и другие. Они дают по полторы нормы.

— Скоро праздник. Трудом отблагодарим товарища Сталина за вызволение нас из немецкой лютости бедности, скажем ему большое колхозное спасибо за заботу о нас, поклянемся, не жалея сил, крепить и хранить, как зеницу ока, колхозный строй.

Л. САБЛИН.

Стрелецкий район.